

ПАВЕЛ ВЕЛИКЖАНИН
ВНУК НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Поэма
Волгоград
2000 – 2018

Содержание

Содержание.....	1
Предисловие	3
Вступление первое. Не так, как пишется.....	4
Вступление второе. Сквозь тромб	4
Панорама. 1941 – 2000.....	5
Дневник Тани Савичевой. 1941	6
В музее. 1985.....	6
Тень журавлиных крыльев. 1988	7
Безымянный солдат. 1995.....	8
Последний ветеран. 1945 –	8
Безглазые судьи. 1946 –	8
Осколок. 1990 – 1999	9
Гранитный генерал. 2000.....	9
Дед. 1923 – 1941	10
Из записных книжек. 1939 (Рождение стиха).....	11
Из записных книжек. 1940 (Все в жизни может стать судьбой)	11
Из письма другу. 1941 (А помнишь?)	12
Из записных книжек. Осень 1941-го (Латки журавлиные).....	12
Дед	12
Ополченцы 41-го	13
Зев орудийных труб	14
Лицо России.....	14
Обелиск	15
Память. Молодые поэты. 2000	15
Запечатанный воздух эпохи. 2000	15
Бабушка. 1923 – 1944.....	16
Диверсанты	16
Партизанский праведник Николай Киселев	17
Николай Кузнецов.....	18
Жив будешь – стань сыну отцом	19
Дед. 1922 – 1981	20
Утро в промзоне. 1940	20
20.07.41	20
Бронекатер. 1942	21
Остров Людникова. 1942	22
Мамаев курган. 1942 – 1944.....	23
Собаки-истребители танков. 1942	24
Под Прохоровкой. 1943	25
Осень 44-го.....	25
Берлин. 1945.....	26
Просто май.....	27

Утром двадцать второго	27
Венчание войной	28
Фронтвик. 1946.....	29
Алхимик	29
Старый мастер	30
Катамаран.....	30
Наполовину был убит	31
Война не стреляет мимо	31
Рассыплюсь.....	31
Боги в халатах.....	32
Не расплескать.....	32
На апрельском ветру не шумели березы нагие	33
Говорят, остается на фото частичка души	33
Бабушка. 1924 – 2000	34
Грибы.....	34
Доярка.....	34
Был черствый хлеб вкуснее сдоб	35
Огородик	35
Маленькие солнышки	36
Дядя. 1945 – 1971	37
Испытатель судьбы	37
Звезда.....	37
Дядя. 1949 –	38
Сварщик	38
Дальнобойщик	38
Баллада о собаке.....	39
Мама. 1956 – 1994	40
Почтальонка.....	40
Замок на песках	41
Отец. 1942 – 1999	41
Стремительные спицы	41
Легенда о Петухово.....	42
Открытой двери свет.....	44
Афган.....	45
Прощай, проклятая!	46
Мотор сосет бензин похмельной жаждой.....	46
Старший брат. 1975 – 1994.....	47
Куликово поле. Из школьного сочинения	47
Потихонечку идем.....	50
О печнике	50
Петр Первый	51
Олонец	51
Пушкин.....	52
1917.....	52
Хоронили эпоху по имени «Сталин»	53
Август в Кизях.....	54
Утром.....	55
Мой город.....	55
Царицыну – Сталинграду – Волгограду	55
Серый ломоть.....	56

Спускной крючок	56
Ночной десант	57
Быть живым	58
Остаются стихи.....	59
Сестренка. 1994 –	59
Капитанская дочка	59
След подошвы.....	60
Я. 1982 –	61
Ледяные батареи девяностых.....	61
Магнитный полюс	62
Лучше не будет.....	62
В трамвае.....	63
Крылатые портфели	63
Множество правд	64
Ежедневное чудо	64
О трех типах мебели	65
Самый любимый стих – это тот, который	65
О военных стихах.....	65
В едином свитке	66

Предисловие

Великая Отечественная война – это ключевое событие в истории нашей страны.

Это тот стержень, благодаря которому до сих пор, несмотря на все перипетии, не распадается сознание народом России самого себя как единого целого.

Это самое страшное испытание, которое нашим предкам довелось пройти. Ставки тогда были невероятно высоки: в случае поражения нас, очевидно, ждало полное исчезновение с лица Земли (печально известный немецкий план «Ост» тому доказательство). А победа принесла нашей Родине свои плоды в виде периода наивысшего расцвета и могущества во всей обозримой истории.

Не будет преувеличением сказать, что весь предшествующий ход развития страны в течение нескольких веков послужил подготовкой к этой кульминации.

И до сих пор мы живем под сенью той Победы.

А переломным моментом самой Великой Отечественной, той осью, вокруг которой вращаются все остальные ее события, стала, конечно же, Сталинградская битва. В общественной мысли последних 75 лет даже ее название, по сути, представляет собой то, что в технике именуется «концентратором напряжения».

Копьеломатели с обеих сторон, не забывайте, что история – это равнодействующая миллионов волей, как говорил мудрый Лев Толстой. А не производная воли одного человека.

Известная историческая личность – это знамя. Но его древко – в руках всего народа. Свой вклад в победу внесли все наши соотечественники. Цена победы известна и тем, кто сражался на фронте, и тем кто трудился в тылу, и тем, кто бедовал на оккупированной земле. Каждой семье.

Поэтому Великая Отечественная война до сих пор остается в живой памяти народа. До сих пор обжигает нас ее Вечный огонь. Оттого-то историю этой войны можно увидеть в истории одной семьи, словно в капле воды – океан.

Одной такой семье, а в ее лице – и всем нашим соотечественникам, победившим в многочисленных боях и сохранившим страну – посвящается эта поэма.

Вступление первое. Не так, как пишется

О ней, страшной из стихий,
И плачи, и фанфары.
Слагают песни и стихи,
И пишут мемуары.

Но что такое есть война –
Ответ не скоро сыщется,
И произносится она
Совсем не так, как пишется.

Вступление второе. Сквозь тромб

Войну лишь в телевизоре
Ты видел. Что же, брат,
Стихов своих дивизию
Выводишь на парад?

Ведь там не по парадному –
Колонной общих мест –

С разрывами снарядными
Срифмован насмерть Брест.

Какая, к черту, строфика,
Рефрены для баллад?
С отчаяньем дистрофика
Там бился Ленинград.

Врастая в землю стылую,
За сердцем спрятав даль,
Дивизия Панфилова
Рвала зубами сталь.

Мосту, на нитку сшитому,
Молился эшелон,
С живыми и убитыми
Ползущий через Дон...

Ведь правда кровью пишется,
Пробившейся сквозь тромб.
Пойдем ли мы, как дышится
В обвалах катакомб

Не знающим заранее
Судьбы своей страны,
Чьи летние экзамены
Войной заменены,

Чьи строки в школьных прописях
Черкает красный цвет?
А время не торопится
Подсказывать ответ.

Но мы, врастая нервами
В свою эпоху, брат,
Пошли бы так же первыми
В свой райвоенкомат.

Дневник Тани Савичевой. 1941

Сколько их – кто не дожил, не дошел?
Нет даже лиц.
Синим химическим карандашом –
Девять страниц.

Голод блокадный писал без затей
Буквы свои.
Девять страниц – только даты смертей
Целой семьи.

Это потом в полевых вещмешках
Их принесут
На просоленных солдатских плечах
В Нюрнбергский суд.

Это потом доверять дневникам
Станут мечты
Девочки в городе, где по утрам
Сводят мосты.

... «Таня одна...» И завыли гудки
Траурный марш.
Ангел тихонько из детской руки
Взял карандаш...

В музее. 1985

Не ржавеет стволов вороненая сталь,
Но лежит без движенья и звука;
Полевые бинокли забыли про даль
И на стены глядят близоруко;

Да и радики вряд ли поймают волну,
Чтоб приказ передать об атаке...
Все равно, как живую, я вижу войну,
По музею идя в полумраке.

С пожелтевшего фото тех огненных лет
Смотрит парень со шрамом над бровью,
И лежит под стеклом комсомольский билет,
Сверх печатей заверенный кровью.

Тень журавлиных крыльев. 1988

Словно медали деда,
Солнечный диск надраен:
Небо на День Победы –
Как небеса над раем.

Реки людские в мае
Вверх устремляют русло:
Лестницей на Мамаев,
Тропами Приэльбрусья.

Там шли в атаку роты,
Вязли в тягучих глинах...
Павшими за высоты
Кладбищ полны низины...

Тем, кто навек уснули,
Белый журавль – попутчик.
Ветры свистят как пули,
Гонят седые тучи.

Тучи плывут, не зная,
Что под небесной крышей
С каждым девятым мая
Линия фронта – выше.

Гром отгрохочет медный,
Ливень все слезы выльет.
Горечь на дне победы –
Тень журавлиных крыльев.

Безымянный солдат. 1995

Ранив листья навывлет в парке,
Греет солнце граненый камень
Письменами – как те, без марки
Доходившие даже в пламя.

Здесь и в смокинги, и в фуфайки,
Те, кто рядом стоят, одеты,
Пробегают детишек стайки,
И невесты кладут букеты.

Память с временем – бой неравный,
Сколько будут цветы живыми?
Безымянный солдат... Неправда!
Ведь Солдат – это тоже Имя!

Последний ветеран. 1945 – ...

Как вынуть нам осколки те и пули,
Что в плоти спят живой с сороковых?
Застыли годы в скорбном карауле:
Он демобилизован из живых.

Последний ветеран, кому свое ты
Дежурство боевое передашь?
Шагают вверх неумолимо роты,
На белый цвет меняя камуфляж.

Безглазые судьи. 1946 – ...

Замолкли бездонные глотки орудий,
Но мины нам в спины проклятья шептали.
У этих безглазых, безжалостных судей
Один приговор — из тротила и стали.

Для всех: для сирот по дороге из класса,
Для вдов, накопавших картох в огороде...

Лежат в многолетних засадах фугасы,
Взрыватели чуткие держат на взводе.

Мгновенно растут смертоносные всходы
Семян, для которых – что век, что намедни.
Над ними идут вроде мирные годы...
Но каждый их шаг, может стать, последний.

Осколок. 1990 – 1999

Так уродлив был этот обломок металла,
Принесенный с бойцом в лазарет:
Словно смерть острой лапой четырехпалой
Рядом с сердцем оставила след.

Врач сказал, зашивая дыру под ключицей:
«На, держи! Вдруг примета верна!».
«Да со мною и так ничего не случится,
А приятней носить ордена».

Все же взял. Тот валялся в кармане шинели.
Рвал подкладку он ржавыми лапами.
Сыновья вырастали и внуки выросли,
Становясь в свою очередь папами.

И лежат ордена, пусть без прежнего блеска,
В девяностых не сданные частнику...
Но играется правнук корявой железкой,
Так похожей на свастику.

Гранитный генерал. 2000

*В.И. Чуйкову, командующему 62-ой армией защитников
Сталинграда, памятник которому установлен на центральной
набережной этого города на Волге, посвящается...*

Генерал с лицом темнее гранита –
Вьелся дым, впечатал в память зарубы –

Скорбно замер с головой непокрытой:
Не разжать ему недвижные губы,

Не назвать своих бойцов поименно,
Прямо с марша уходивших в былину.
Сколько в землю полегло батальонов
На пути от Сталинграда к Берлину?

И ни мрамора, ни бронзы не хватит,
Чтобы каждому воздать по заслугам...
Но взгляни: в могилах спящие рати,
Прорастают зеленеющим лугом!

Жизнь всегда, в итоге, смерти сильнее –
Тихий сквер облюбовали мамыши:
Вечерами здесь, пока не стемнеет,
Дети бегают, ручонками машут.

В центре шумной озорной переклички
Генерал следит, как дедушка строгий,
Чтоб стихали мимолетные стычки,
Чтоб смотрели непоседы под ноги.

Улыбается гранитною складкой,
Мягче взгляд, что был в бою тверже стали:
«Из таких же, как вот эти ребятки,
И мои богатыри вырастали...»

Ведь солдаты не за то умирают,
Что им памятников мы понастроим...
Рядом с памятником дети играют –
Это лучшая награда героям.

Дед. 1923 – 1941

Сердце мое – граната
С выдернутой чекой.

Из записных книжек. 1939 (Рождение стиха)

Гул
смахнул
грозовой
нудный дождь грязевой.
Ток пустив по сидячим местам,
Стих, рождаясь, гремел, как состав грузовой
По ажурным нервюрам моста.

И вагон за вагоном летела строка
По созвучиям рельсовых пар,
Словно в каждом ударе небесных стрекал
Перегретый пульсировал пар.

Этот поезд, пройдя расписаний предел,
Оборвал рельсо-шпальную вязь
И над пропастью молнией перелетел,
Сам как будто мостом становясь.

И открылся в тайфуне мирской суеты
Понимания крохотный круг,
Где, застыв на мгновенье, нащупывал ты
В подсознании гаснущий звук.

Из записных книжек. 1940 (Все в жизни может стать судьбой)

Лежит судьба, пока ничья,
Как груда кирпичей.
Построить стену вдоль ручья
Иль мост через ручей?

Душа – пылающая нить
Под воском толстых свеч.
Свечу над книгою склонить
Иль книгу ею сжечь?

Все в жизни может стать судьбой.
Так выбери свою!

Важней не «Выиграл ты бой?»,
А «Был ли ты в бою?».

Из письма другу. 1941 (А помнишь?)

А помнишь, как мы спорили,
Копались в книгах истово,
Из той аудитории
Несли сиянье истины?

... А жизнь судьбой-дорогою
Не карту отмеряла...
Мы знали слишком многое,
Умели слишком мало.

Из записных книжек. Осень 1941-го (Латки журавлиные)

Небо рваное заштопано
Журавлиной вереницей.
Желтый лист в полете штопором
Зябким веткам будет сниться.

В подвенечном белом инее
Ждут весенних дней березы:
Станут латки журавлиные
С треском рвать шалуньи-грозы.

Дед

Не знаю, был ли он храбрей
Других. Не спросишь у воронки.
В июне – свадьба. В ноябре
Вдова слегла от похоронки,

Но доносила, и дитя
Отец на фото – встретил взглядом.

И даже много лет спустя
Все время кажется: он рядом.

Он не успел повоевать,
И мешковата форма слишком.
Как странно дедом называть
Его – совсем еще мальчишку.

Войны недобро колдовство,
Не всем героями казаться.
Я старше деда своего,
А мне всего лишь девятнадцать.

Ополченцы 41-го

До сих пор стоят, обуглены, пни –
Не утешить: смерть, мол, смертью поправ.
Это поле под Москвой чуть копни –
Зазвенит металл очковых оправ.

Позабыв латинских буковок вязь –
Древо истин оплела, как лоза, –
Прилипали к чёрным мушкам, слезясь,
Устремлённые на запад глаза.

Вместо скрипки лёг приклад на плечо,
Вместо мела пальцы сжали цевьё.
Небеса заштриховал паучок,
Будто судьбы им недолгие вьёт.

С четырёх сторон ударят враги,
Кроме почвы с небом – выхода нет.
Смертоносными мазками сангин
На снега ложится братский портрет.

Не оставлен тот рубеж был никем
Из живых. А мертвецов жгли дотла.
И навстречу «мессершмиттов» пике
Плыли души, уходя из котла.

Всё твердили затихающий хрип,
Что исторгла помертвевшая плоть.
И мольбы услышав тех, кто погиб,
Пожалел Россию, видно, Господь.

Зев орудийных труб

1. Скользят по картам пальцы генералов,
А нам бы доползти до той воронки:
Укрыться от свистящего металла,
Закутаться в землистые пленки.

И дух сырой земли на грани бреда
Затягивая легкими до донца,
Ползем вперед не ради дня победы,
А чтоб еще хоть раз увидеть солнце.

2. ... А мне и могилу не надо рыть:
Глубок был окоп ... Удар –
И над головой – земляная крыть,
Как будто бы я – руда.

Как будто металл, изорвав мой труп,
Проходит обратный путь
Под звуки, что в зев орудийных труб,
Бойтся архангел дуть.

Лицо России

...И белорудый стан березы,
И сноп густой волос пшеничных,
В глазах озер кувшинки-слезы,
И перекликиванья птичьи...

И пусть меня давно скосили,
Но каждый миг, навеки спящий,
Любуюсь я лицом России
В оправе облаков парящих.

Обелиск

В деревенской глуши, на ковре земляник,
Что окрасились огненной кровью когда-то,
Обелиск выростал из земли, словно штык
Погребенного взрывом в окопе солдата.

Пробивался он вверх, сквозь забвенья пески,
Шар земной обнимая своими корнями.
И салютом цветут на полях васильки
В память тех, кто навеки остались парнями.

Среди времени брызг, как маяк – обелиск.
Побеждают хлеба сорняковую небыль.
Золотою звездой светит солнечный диск
На шинели бойца, превратившейся в небо.

Память. Молодые поэты. 2000

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни ее не допеты:
В строгих учебниках и хрестоматиях
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто на портретах, а кто – фотографиях.
Есть бородатые, больше – безусых.
Сами слагали себе эпитафии
Эти язычники да Иисусы:

Кто-то – частушку, а кто-то – элегию.
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость – их привилегия,
Данная пулей, болезнью и водкой.

Запечатанный воздух эпохи. 2000

Озера Антарктики, что запечатаны толщей
С веков динозавров не знавшего таянья льда,
Хранят в себе воздух, которого нет уже больше.
Вдохнуть его сможем лишь раз: неизвестно, когда.

Застывшего времени капсулу вскроем однажды –
На миг опьянит первозданных лесов кислород.
Счастливей ли тот, кто пространства и времени жажды
Не знает, чем тот, кто все делает наоборот:

Кто не собирает камней для балластного трюма,
И кто не боится, что ветер порвет паруса,
А если случится, то, вычерпав истину рюмок,
Записку черкнет, у которой волна – адресат?

В бутылках стихов – запечатанный воздух эпохи.
Их путь в океане запутан и замысловат.
Старинную пробку открыв, замираем на вдохе,
Почти что не глядя на стертые солью слова.

Бабушка. 1923 – 1944

Там не было на всем ходу врезающихся танков,
Залп тяжкий не выкапывал там братские траншеи,
Но как бы ни был страшен холст войны, его изнанка –
Еще страшнее.

Диверсанты

За друзей принимает нас враг день за днем,
Не облает овчарка – оближет,
Но по тонкой фальшивке над бездной идем,
В нас порою стреляют свои же.

А приказ будет дан —

И скользнем мы в туман,
Боги взрывов, налетов, сожжений.
Мы без права на плен
Сеем пепел и тлен
На полях наших тайных сражений.

Кулаком и ножом снимем вражеский пост,
Склад на воздух взлетит, и обрушится мост,
И врагу, что в стране нашей что-то забыл,
Хуже фронта покажется собственный тыл.

А случится провал —
Контрразведки подвал
Не услышит ни просьб, ни признаний.
Пусть я без вести пал,
Но никто не узнал
Ни имен, ни фамилий, ни званий.

Ведь под формой чужой бьются наши сердца,
За чужим языком – наши мысли.
Если надо, свой путь мы пройдем до конца:
Встанем к стенкам и в петлях повиснем.

Да, удел наш суров,
Ни к чему много слов:
Сверь-ка время по нашим часам ты,
Чтобы тол не подвел,
Чтобы ветер замел
След ушедших в туман диверсантов.

Партизанский праведник Николай Киселев

Вместо крыльев – автоматы за спиной,
Вместо нимбов – партизанские треухи,
А за ними тайной тропкою лесной
Шли, младенцев на руках держа, старухи.

Костылем царапал землю инвалид,
С ним девчушка, вся морщинами одета:
Смертный страх сильнее времени старит

Тех, кто спасся из долгиновского гетто.

Ночь за ночью, хоронясь от патрулей,
На далекие рассветы шли по чаще.
Каноида – все слышней, овчарки – злей,
А малышка Берта плакала все чаще,

И отчаянье родителям твердит:
«Ведь услышат! Задушить, пока не поздно!».
«Стой! Отставить!» – командир сказал, сердит,
И на плечи взял, поближе к теплым звездам.

Тыщу верст прошли до Витебских ворот
Двести душ... Одна незримая награда:
Как пророка, чтит спасенный им народ
Командира партизанского отряда.

Николай Кузнецов

Он прыгнул на свет партизанских костров,
Под куполом неба повиснув на стропах.
Поддельное имя «товарищ Петров»
Паролем вело по запутанным тропам.

Дал пропуск поддельный – и пост «хендэ хох»:
Шлагбаумом вверх. Рядом унтер во фрунте:
«О, герр лейтенант, да хранит всех нас Бог
От русских фанатиков в бешеном бунте!

А в город им, герр, не проникнуть никак...».
Но «опель», взревев, оборвал его фразу,
И хват пистолета ослабил русак,
Что послан был выжечь паучью заразу.

В парадных чернильных мундирах сидят,
Охрана вокруг все сто раз обсмотрела.
С их перьев течет безнаказанный яд
На орднунги пыток, сожжений, расстрелов.

А он с ними шутит, в доверье входя,

От бравого Пауля дамочки млеют.
Но темная ярость острее гвоздя
Одной колет мыслью: «Скорее, скорее!»

Язык его корчится, будто в огне,
Одетый в чужую колючую робу.
И лишь по ночам, беспокойно, во сне
В нем русская речь прорывается к небу.

Но время настало! И вот генерал,
Карателей славший в облавы, десанты,
Как хряк под ножом, из мешка заорал,
Впервые увидев глаза диверсантов.

Под фрицем чужая вздымается твердь:
Их бонз, что испуганно пялят фасетки,
Все косит и косит серпастая смерть
В обманчивом облике русской разведки.

Во Львове и Ровно сбиваются с лап
Овчарки немецкие в поисках следа.
Несется молва: враг и здесь-то ослаб,
И там, на востоке – все ближе победа.

И пусть не дожил до победы солдат,
Но не был раскрыт до последнего вздоха:
Узнала из списка посмертных наград
Его настоящее имя эпоха.

Жив будешь – стань сыну отцом

Разворочен гранатой живот,
Я стону: «Старшина, отвернись!
Чтоб красивой запомнил...» А тот
Все бинтует кровавую слизь

И сквозь зубы – таким матерком,
Что на миг я поверю: жива!
Но краснеющий марлевый ком
Душит в горле любые слова.

Ладно, Рита, нет влаги для слез:
Жар внутри – да и времени нет,
Только сок иссеченных берез
Тихо капнул на мой пистолет.

И куском довоенного сна
Пред глазами – ребенка лицо.
Отомсти за меня, старшина!
А жив будешь – стань сыну отцом...

Дед. 1922 – 1981

Вернулся я, но в доме отчем
Встречают мачеха и отчим.

Утро в промзоне. 1940

Забасит трубным гласом гудок заводской,
Ввысь поднимутся дымные флаги,
Брызнет солнце оттуда, где небо с землей
Скрестят рельсов звенящие шпаги.

И потянутся, в медленном таянье сна
Разминая стальные суставы,
На крутых поворотах кренясь с полотна,
К выходным семафорам составы.

Длинношеие краны кивнут мне без слов,
Вагонетки покатыт, сигналиа,
И взметая щепу, загуляет тесло
По смолистой пахучей скрижали...

20.07.41

Месяц рвался блицкриг на восток,
Наглый, сытый: откушал Европами.
Пали Витебск, Смоленск, Городок –
Белорусский завязан мешок...
Окруженцы, не чувствуя ног,
Еле шли полуночными тропами.

А на самой границе, у берега Буга,
В старой крепости каменной, загнанный в угол,
Стиснув злым кулаком окровавленный уголь,
Кто-то пишет слова – не родным и не другу –
А для тех, кто придут, кто придут, кто придут...
Ждать умеют и камни. И камни все ждут...

Подмосковье, Смоленск, Беларусь –
Сколько трудных дорог было пройдено,
Чтобы знал весь огромный Союз
Те слова на стене наизусть:
«Умираю, но не сдаюсь.
Прощай, Родина».

Бронекатер. 1942

Шум выхлопов пряча под плеск переката,
Масксетью скрывая лицо,
К воде прижимаясь, ползет бронекатер,
Матросским соленым словцом

Моля, чтобы сумрак непрочного неба
Не треснул от трассеров пуль,
И, шнапса набулькав, заев нашим хлебом,
Уснул бы фашистский патруль.

Не выдала полночь, волна не плеснула,
Не дав бронекатер засечь.
И ввысь поднялись орудийные дула,
Сверкнув, будто огненный меч...

Став памятью прочной о грозном моменте,

Когда сотрясались столпы,
Плывет он теперь на своем постаменте
Средь праздничной майской толпы.

Нечасто глядят благодушные люди
На свод безмятежных небес,
Что держится только стволами орудий,
Когда-то сражавшихся здесь.

Остров Людникова. 1942

Его на всепланетной карте нет,
Остался лишь в легендах этот остров,
В подшивках старых фронтовых газет –
А нынче отыскать его непросто.

Да, был он по размеру невелик:
Четыре сотни метров на семь сотен.
Но весь огромный мир тогда привык
К масштабу этажей и подворотен.

За каждый сталинградский клочок земли
Враг дольше дрался, чем за всю Европу.
И дикторы дотошно счет вели
Любому закоулку и окопу.

А он и окружен был не водой –
Огнем, свинцом, клубами едкой пыли...
И сорок дней не прекращался бой,
Атаки-волны в скалы дотов били.

Отрезан тыл змеей речного льда:
Шуга идет, борта сдирая лодкам.
В три дня – сухарь. С патронами – беда.
Ценней, чем жизнь, трофейная находка.

Нет подкреплений. Каждый на счету.
И с каждым днем все тают эти счета...
Уходит струйкой крови в мерзлоту
Дивизия – составом меньше роты.

Кирпич домов бомбежкой в пыль растерт,
Земля изрыта оспою воронок...
Последним напряжением аорт
Здесь держится зубами оборона.

Прямой наводкой разнесен КП,
И на ребре стоит судьбы монета.
Комдив по пьяной фрицевской толпе
Палит из наградного пистолета.

Санбат, что врос в отвесный бережок,
Услышал грохот «панцеров» наката –
И встали все – кто мог, и кто не мог –
Вперед пошли: в бинтах, как в маскхалатах.

И со стеклянным звоном вспыхнул танк,
Скребут предсмертно землю пальцы траков...
Кто жив, ничто не будет помнить так,
Как самую последнюю атаку.

Лед встал, окреп. Резервы подошли.
Не смыло остров ливнем стали Круппа.
Весь мир узнал про этот клочок земли,
На глобусе не видный даже в лупу...

Теперь здесь тихо... Память берегут
Руины, утопая в буйстве сада,
Про островок на волжском берегу
В поселке под названьем Баррикады.

Мамаев курган. 1942 – 1944

Стальной фонтан
Взметнулся в небо.
Горит курган
Снопам хлеба.

Молчит земля –
Стальная хватка...

Топчан стеля,
Все плачет matka.

И далеко
На Украине
В глазах окон
Не тает иней.

...Пойдет война
Назад, к закату,
Чтоб враг сполна
Понес расплату.

Но эта весть,
Придя с востока,
Взорвется здесь,
В глазницах окон.

Курган опять
Взметнется в небо...
Прости мне, мать,
Что я там не был.

Собаки-истребители танков. 1942

Из газет: «... наиболее известен подвиг 28-го отдельного отряда собак-истребителей танков в оперативном подчинении 10-й стрелковой дивизии НКВД. В боях за Сталинград отряд уничтожил 42 танка, 2 бронемашины, сотни солдат и офицеров противника. С августа по октябрь 1942 года из 202 собак отряда в живых осталось 54 четвероногих бойца».

Их с беззубого щенства под танковым днищем
Приучали к еде, чтоб кудлатая свора
Шла под танки немецкие в поисках пищи,
Не боясь лязга траков и рева моторов.

А на спину – тротил со взрывателем чутким,
Чтобы тыкнул в стальное подбрюшье махины...
И напарник потухшую грыз самокрутку,

И махра ему скулы сводила, как хина.

Ничего не жалела страна для победы,
И, петляя среди сталинградских развалин,
Шлейки жизнью лохматые рвали торпеды
И бросались навстречу грохочущей стали.

Под Прохоровкой. 1943

На войне не поют о войне,
Как-то больше тоскуют по дому,
И чем дальше, тем песня нежней
Загрубевшей гортанью ведома.

И чем громче разрывы гремят,
Тем слышней соловьиные трели
В том краю, где ковыль не примят,
Там, где воздух свинцом не прострелен.

Даже те, чьи остались дворы
За разубом враждебной траншеи,
Вспоминают не плач детворы
И не петли на тоненьких шеях.

На полях несосчитанных тризн,
Полумертвый, лежу, мысль рожая:
Только мир стоит больше, чем жизнь –
И своя, и чужая.

Осень 44-го

Не для нас урожаем
Спелый колос налит,
И дорога чужая
Под ногами шипит.

За спиною граница
По осенним полям.

Да на что нам их Ницца?
Да на что Амстердам?

Умотавшись, без злости,
Вековечной тропой
Мы незваного гостя
Провожаем домой.

А вернемся – засеем
От гумна до гумна...
Нужен хлеб для Расеи.
Для чего ей война?

Берлин. 1945

Берлин залит дождем огня и стали,
Но детский плач был громче, чем война:
Потерянно стоит среди развалин
Там девочка немецкая одна.

А может быть, отец ее в гестапо
Служил, а мать эсэсовкой была...
Но вот она лепечет «мама, папа»
Из пулями оббитого угла.

И может, старший брат, слепой от злости,
Все ближе целит пулеметный ствол...
Но тут солдат, чьи дети на погосте:
«Огнем прикройте!» – крикнул. – «Я пошел!».

И ринулся к немецкому ребенку
Сквозь ливень из немецкого свинца,
В шинель дитя закутал, как в пеленку,
Собой прикрыл, не разглядев лица.

И вытащил – с того – почти что – света,
Солдат в зеленой каске со звездой...
И девочка спасенною планетой
К плечу его приникла головой.

Просто май

Май... а года-то какого?
Сколько ран позаросло?
... Дребезжит в окошке снова
Время – хрупкое стекло.

Разломается на части,
И осколки не сложить.
Если хочешь в жизни счастья,
Для начала надо жить.

Жить, корнями чуя степи,
Что распаханы свинцом,
Где из глины только лепят
Память с мраморным лицом,

Что шальным и близким взрывом
Лишь задело – ведь чуть-чуть...
Потому вокруг все живо,
Да спасибо и врачу.

А потом, в часы тревоги,
Ощутить тепло гранита,
И, намаявшись с дороги,
Стукнуть в дверь – «Входи! Открыто».

Утром двадцать второго

Мы три года с излишком
Шли от бед до побед:
В сорок первом мальчишка,
А сейчас – уже дед.

Помнишь ад летней бани?
«Мессер» бреет овраг,
А у нас до Кубани –
Только в небо кулак.

И от пыли седые,
Не могли мы вдохнуть,
Зарываясь России
В материнскую грудь...

Да ведь кто, кроме нас-то?
Тот январь сохраню:
Сталинградского наста
Мы ломали броню.

И на запад сметая
Паутину траншей,
Шла фронтов цепь литая,
Только раны зашей!

Шрамы Родины долго
Не сходили с лица:
Обожженная Волга,
Беспризорный пацан.

Потому так сурово
В предрассветную даль
Утром двадцать второго
Смотрит мой календарь.

Венчание войной

Война – смертный ливень металла,
Но есть в ней – крупинками – дрожжи.
Война все живое сметала,
Топила, сжигала... И все же

Пожар тот затеплил лучину,
А шторм – прибил лодку к причалам.
Кого-то война разлучила,
Кого-то она повенчала...

Фронтовик. 1946

Отрезав будто речь о том,
Чья здесь вина,
Пустой рукав запавшим ртом
Сказал: «Война».

Был год послевоенный лих:
Разор, расстрой.
Пришлось ворочать за двоих
Одной рукой.

Твердела мышцами рука,
Росла в кости,
И мало кто фронтовика
Мог обойти.

Жену он крепко обнимал,
Жил в полный рост,
И сын с руки его взлетал
До самых звезд.

Алхимик

Временами плохими
Так писалось, что хоть не пиши,
И усталый алхимик
Отступал от реторты-души.

Он включал телевизор,
Погружался в насиженный быт,
Забывая про вызов
Философского камня судьбы.

Но копыта Пегаса,
Словно сердце поэта, стучат...
Электричество гасло,
Загоралась в потемках свеча.

Снова гений бесстрашный

Рвался в небо из тесных оков,
И графит карандашный
Становился алмазами слов...

Ливни солнечной краски
Смыли серость пейзажа с окна,
И принцессой из сказки
Правит кухонным балом жена.

Старый мастер

Поработал старый плотник: срубов ставил – не сочтешь!
Но года морщины чертят, подточив былую мощь.

Прежде брал бревно за комель, будто легкое перо,
Разрубал любые кряжи в два удара топором.

А теперь рука ослабла, да и глаз уже не тот...
Отработал старый мастер. Только сердце не уйдет.

Хоть давненько на покое, а работою не сыт:
Он избушки-берестушки для внучонков мастерит.

И пускай он не поднимет ни бревна, ни топора,
Но зато послушны пальцам ножик, щепки и кора.

Катамаран

Свою любовь храня упрямо
В ненастьях времени-реки,
Бочком к бочку – катамараном –
Плывут куда-то старики.

Идут, как сросшиеся лодки,
Друг друга за руку держа.
Пускай их путь был не коротким –
Над золотом не властна ржа.

Грустить бы только светлой грустью,
Не торопить бы вечный бег,
И чтоб у всех, подплывших к устью,
Был рядом близкий человек.

Наполовину был убит

Я дважды шел землицей нашей:
Шел на восход и на закат.
Шагал вдвоем с моим «папашей»
Тому, что жив еще, был рад...

... Прошла война, но грудь щемит...
Ведь я, согласно строгим сводкам
Статистики по одногодкам,
Наполовину был убит...

Война не стреляет мимо

Вырастают колосья нив.
Забывается все так рано...
– «Что ж ты плачешь, солдат? Ты ведь жив!
Повезло: ни единой раны!

Все прошел и остался цел».
– «Нет, война не стреляет мимо,
И снаряд, не попавший в цель,
Станет миной».

Рассыплюсь

Неплохо было б на песке валяться
И созерцать – без спешки, без истерик –
Как волны пенный флаг капитуляций,
Вновь отступая, выбросят на берег.

Да только я и сам – волна всего лишь:
Ударившись о землю, я рассыплюсь
На брызги слез, что ты себе позволишь,
На пену слов и голоса осиплость.

Боги в халатах

Склонялись над ним незнакомые лица,
Но он не услышал сирен.
Родные в приемном покое больницы
Всю ночь не вставали с колен.

Но боги, наверно, давно уж устали
От всех человеческих смут.
И скипетры из хирургической стали
Не боги, а люди берут.

Блестящий металл – он всего лишь проводит
Тепло человеческих рук...
И свет замерцал на бессонном восходе,
И сердца послышался стук,

И солнце, запрыгнув в окошко палаты,
Зайчонком бежит под кровать...
Усталые боги снимают халаты,
Чтоб ангелам в стирку отдать.

Не расплескать

Сгорит – из пепла не зови:
Не зря отмерен срок свечам.
Не расплескать бы нам любви
По каплям и по мелочам.

И, может, Бог иль кто там есть
Не скажет: «Что ж, живи опять».
Но все ж, пока еще мы здесь,
Нам век бы свой не расплескать.

На апрельском ветру не шумели березы нагие

На апрельском ветру не шумели березы нагие,
Хоть, наверное, им и казалось, что все понарошку.
Но они,
наклонившись к открытой могиле,
Вместо комьев земли за сережкой бросали сережку.

Напоённые соком, идущим от самых кореньев,
Те ложились в набухшую почву, долги отдавая.
Видишь, нет
в той цепочке разорванных звеньев.
Значит, каждая ветвь родословного древа – живая!

Говорят, остается на фото частичка души

Говорят, остается на фото частичка души.
Хорошо, если б так... Видел прадеда я лишь на фото:
Опьяняющий запах сирени в объятьях душил
Одного, кто остался в живых из всей маршевой роты.

Он смотрел в объектив, как до этого тысячу раз
Он заглядывал смерти в свинцово-пустые глазницы,
Когда прочь ее гнал от испуганных девичьих глаз
По изрытой металлом земле через три госграницы.

Эта девочка станет когда-нибудь бабушкой мне,
Но об этом мой прадед уже никогда не узнает.
Для меня он навечно остался в берлинской весне –
Вспышкой магния вырванном миге победного мая.

Он глядит на меня: ну-ка, правнук, ровнее дыши!
Дескать, всюду протопает матушка наша пехота...
Говорят, остается на фото частичка души –
Хорошо, если б так. Ну, хотя бы для этого фото...

Бабушка. 1924 – 2000

Расти, как дерево – тянись
Корнями – вглубь, вершиной – ввысь!

Грибы

1. Этот дождик так мал,
Он почти что и не был.
Он не шел, а хромал,
Еле капая с неба.

Мы не прятали лбы
От бесшумной капели,
И одни лишь грибы
Дружно шляпы надели.

2. Под березой – подберезовик,
Под осинкой – подосиновик,
Между ними в шляпке розовой
Мухомориха красивая.

На пеньке – опенок маленький,
А пудовые – хоть взвешивай!–
Грузди сели на завалинку
У кривой избушки лешего...

Доярка

Заглянет Зорька ей в окно,
Боднет легонько подоконник...
Травкою пахнет молоко,
Стекающая струйками в поддонник.

Коровы – гордые княжны:

Им дойка – как прием для свиты.
Привычны руки и нежны,
Хоть сплошь мозолями покрыты.

Пускай работа нелегка,
Зато и знает лишь доярка,
Как солнце в струях молока
Играет лучиками ярко.

Был черствый хлеб вкуснее сдоб

Был черствый хлеб вкуснее сдоб,
Был ратный труд, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

А там своя была страда,
И приходили похоронки
В артели вдовьего труда,
В деревни на глухой сторонке.

Кружили, словно воронье,
Над опустевшими домами.
Кололо жесткое жнивье
Босое сердце старой маме...

Огородик

В шумном сердце города –
Зелени проталинка:
Стиснутый заборами
Огородик маленький.

Позабытой соткою
В планах не отмеченный,
Затенен высотками
Он с утра до вечера.

Но осколки солнышка
Зреют помидорами,
Воду пьют до доньшка,
Жадно, всеми порами.

С ведрами находится
(Хорошо хоть – рядышком!)
За день огородница –
Старенькая бабушка.

Внуки усмеваются:
«Есть, мол, супермаркеты!»...
Только возвращаются
От нее с подарками...

Крепко держит за душу,
Пусть и неказистое,
Маленькое чадушко
С кожей землистою:

Как выросла коленями
И руками добрыми...
Словно притяжение
Всей Земли здесь собрано.

Маленькие солнышки

С утра пораньше в выходной встает,
Для внуков не жалея сон короткий,
И маленькие солнышки печет
На старенькой чугунной сковородке.

Дядя. 1945 – 1971

Испытатель судьбы

Нам не выбрать судьбу другую.
От рассвета и до зари
Вирази и полет вслепую,
Неизвестность – вокруг, внутри.

Пассажир регулярных рейсов,
Что по графику ел и спал,
Повзрослел ты – теперь надейся
На звенящий в руках штурвал.

Если штопором – передряга,
Не теряйся – тогда спасут
Оптимизма двойная тяга,
Чувство юмора – парашют.

Пусть мотает бесстрастный счетчик
Озарений, дорог, борьбы.
Просто каждый из нас – как летчик –
Испытатель своей судьбы.

Звезда

Пробит фюзеляж, и крыло задымилось,
И звездочка летчика вниз покатилась...
И к месту, где скрылась она под землю,
Приносят цветы, словно дарят герою.

Горит над могилой звезда жестяная,
Небесную, павшую ту заменяя.
Планета на холмик становится выше,
И птицы поют под безоблачной крышей.

Дядя. 1949 – ...

Сварщик

Целует спящую жену,
Чаек на кухне пьет в охоту,
И ранним утром, в тишину,
Идет привычно на работу.

Приладив на лицо щиток,
Он все проверит, обернется –
И побежит электроток,
И в пальцах молния зажжется!

Металл послушен, как дитя,
Его рукам, на вид несильным:
Всю смену, будто бы шутя,
Сшивает сталь дугою синей.

А после – немудреный быт
Квартирки в угловом подъезде.
Там сын растет. Там две судьбы,
Надежно сваренные вместе.

Дальнобойщик

Мой тягач в себя прицеппит, как нитку, вденет,
И к водительскому креслу на три дня
В знойном мареве асфальтовых видений
Я пристегнут пуповиною ремня.

Мир за стеклами кабины все быстрее
Мчится в прошлое со скоростью моей,
А за темным горизонтом солнце зреет,
Восходя на встрече вспышками огней.

Как бы ни были похожи все дороги,
Не бывает одинаковых дорог;
Но довольствуемся мы и тем немногим,

Что последний шаг пути – родной порог.

У шофера столько жизней, сколько рейсов,
На одомере – годов километраж.
Но ведь сколько у мотора ты ни грейся,
Только к дому путь всегда стремится наш.

А пока – гудят крутящиеся моменты,
Изгибается дорога как вопрос,
И асфальт магнитофонной стертой лентой
Тянет песню меж бобинами колес.

Баллада о собаке

На работу придорожной рощею
Люди шли – кто с мыслями, кто без.
Вдруг с утробным лаем псина тощая
Выскочила им наперерез.

Люди тормознули, шансы взвешивая:
Электричка тронется вот-вот.
«Да она, наверно, просто бешеная!» –
Крикнул чей-то искривленный рот.

«Бей ее, а то сейчас набросится!»
«Люто лает, аж до слюнных брызг!»
... Но над суеты разноголосицей
Жалобно взлетел щенячий визг.

Шум затих. Все повернули головы:
Под кустом, на травянистой кочке,
Копошились маленькие, голые,
И подслеповатые комочки –

Мира новорожденные жители...
Замер торопившийся народ.
Расступился очень уважительно
И пошел тихонечко в обход.

Мама. 1956 – 1994

Удары судьбы и горнила страстей
Ковали столетьями души людей.

Почтальонка

Крутятся колеса,
Крутятся педали.
Цепь скрипит тихонько:
Стар велосипед.

По жнивью покосов
В зреющие дали
Едет почтальонка —
Девятнадцать лет.

Косы из косынки
Рвутся ветру в руки.
Солнце в знойной выси
Пляшет на углях.

В ящичках посылки
Возит по округе:
Пенсий ждут и писем
Люди в деревнях.

Здесь, в глубинке русской,
Словно воздух — почта.
Сколько этих вдохов
В сумке на ремне?

По тропинкам узким,
В срок всегда и точно...
Здесь замрет эпоха
Если почты нет.

Внучке почтальона,

Ей известно это.
В той деревне – школа,
В этой — отчий дом.

Стукнет по баллонам,
Утром встав до света,
И летит по селам
Солнечным лучом...

Замок на песках

Любить кого-то – строить замок на песках
Чужой души, своей души... А Бог – не пекарь.
Но все проходит. Власть. Богатство. Сила. Страх.
И лишь любовь переживает человека.

Отец. 1942 – 1999

Не приучены к нежным словам загрубевшие губы,
На ветрах и морозах глотавшие спирт из горла...

Стремительные спицы

Я рос в далеком Зауралье.
Был небогат, но дружен дом:
На велике одном гоняли
По очереди всем двором.

Распугивая кур и уток,
Железный конь летел вперед.
И я, как счастья, ждал минуток,
Когда наступит мой черед.

Один в седле – ватага следом

Бежит со всех ребячьих ног.
Дозваться из окна к обеду
Нас никогда никто не мог.

Но шина старая латалась
Почти что каждые два дня,
И в мягкой почве оставалась
Одна такая колея –

Не перепутать! И нередко
По ней в безбожно поздний час
Отцов суровая разведка
В лесу отыскивала нас...

Катилось солнце катафотом
По безмятежным небесам,
Но с каждым днем менялось что-то,
А что – не ведал я и сам.

Зубчатки все быстрее вертелись,
Велосипед, увы, не рос...
И мы с друзьями разлетелись,
Как спицы лопнувших колес.

Теперь с трамвайного маршрута
Мне никуда не повернуть.
Вот только сердцу почему-то
Тесна порой бывает грудь,

И по ночам все чаще снится
Звучанье ветра в струнах арф,
Когда стремительные спицы
Дороги вяжут длинный шарф.

Как будто вновь рулем рогатым
Велосипед мой воздух рвет,
И я, как в детстве, мчусь куда-то,
Куда – не зная наперед.

Легенда о Петухово

Звенюм к звену срасталась сталь,
Как поезда, шли дни и ночи,
Ложась в Транссиба магистраль —
Страны огромной позвоночник...

И, среди прочих, инженер
В село приехал Петухово.
Там каждый первый — старовер,
Не доверявший жизни новой:

«Зачем железка, дескать, нам?
Подохнут куры ведь от дыма,
Смутит скотину шум и гам.
Давай-ка рельсы двигай мимо!»

А мужики-то все — кремень!
Упрешься — не было бы бунта:
Они ж привычны целый день
Ворочать пласт сибирских грунтов.

Поворотили в этот раз
И городского инженера.
А в папке у него приказ
И план масштабного размера.

Ему толкуют: «Выход прост.
С бумагой спорить, братец, глупо.
Но так ли, сяк десяток верст —
Начальство ж ведь не смотрит в лупу...»

И магистраль вдали легла
От староверов с хитрым словом,
А станция (не близ села!)
Осталась в картах Петуховом...

По транссибирскому пути
Неслись, кипя, года прогресса.
И стала станция расти
Со звонкой скоростью экспресса.

При станции поселок рос,
И в дни войны, покинув лоно,

Стал городом под стук колес
На фронт идущих эшелонов.

Указ Президиума дал
Ему название Петухово.
Родился город, возмужал,
Годиной закален суровой.

И стало как-то не с руки,
Чтоб то село звалось как город:
Из Петухово в Петушки
Его переназвали скоро...

По рельсам песнь летит гудком,
Стучат сердца в колесных сплавах,
А город крепким позвонком
Стоит в хребте стальном державы.

Открытой двери свет

Домой шагаю. Поздно.
Лишь тень скользит у ног.
Встряхнется сонный воздух,
Почешет мягкий бок.

Ветвями ивы дрогнут
Ресницы тишины,
Но неба плащ застегнут
На пуговку луны.

Опять ни звука в мире,
А в доме – все темно,
И лишь в одной квартире
Неспящее окно.

И на пороге ляжет
Открытой двери свет,
И голос близкий скажет:
«Ну, вот и ты. Привет!».

Афган

1. «Два года на войне.
Кому еще охота?»
Сидит на валуне
Сержант из разведроты.

Вчера пришел приказ
О том, что завтра сменят.
Привыкший к смерти глаз,
Протертые колени,

И чуб неуставной,
Заправленный за ухо.
По горло сыт войной,
Жует свою краюху.

2. Узок мир сквозь прицел.
Трое суток не ел
Чужой снайпер в засаде.
Ветка дрогнула чуть
И представила грудь
Не к награде...

3. Он лежал на земле, запрокинув лицо.
Остывало в кармане его письмецо.
В автомате – бессильная очередь.
А в России растут чьи-то дочери.
Но голодный афганский парнишка
Не прочтет небольшое письмишко.

4. Он подползал
На запах свежий хлеба.
Взглянул в глаза
И в них увидел небо.

Прилипла прядь
К виску. Теперь навеки.
Не хлынут вспять
Слез материнских реки.

Мольба невест
Понятна иноверцу:
Нательный крест,
Прибитый пулей к сердцу.

Прощай, проклятая!

Мы уходили из Афгана на броне,
На раскаленном облупившемся металле,
И траки гусениц, подобно бороне,
В земле бесплодной след глубокий оставляли...

В бездонной сини тонут пики острых гор,
Мелькают МиГи, как серебряные блесны,
И вертолет над нами винт свой распростер
Крылами ангелов-хранителей надзвездных.

Мы со стволами, обращенными назад,
Чужой дороги досмотрели кинолентку.
Ну что же, Родина, встречай своих солдат.
Заштопай раны нам, граница, ниткой тонкой.

Мы уходили из Афгана на броне –
Непобежденными, да только без победы.
«Прощай, проклятая!» – сказали мы войне...
Не зная, что
война идет
за нами следом.

Мотор сосет бензин похмельной жаждой

Мотор сосет бензин похмельной жаждой,
Шофер глазами к полосе прирос,
Мотается над выбоиной каждой
На лобовом повешенный Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,

Как мошки, буквы – кто б их разглядел:
«Всплывем мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна склонила вымя
Над пролитым по небу молоком».

Но веришь и в межзвездном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь – лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

Старший брат. 1975 – 1994

Но не верю я как-то,
Если речь о войне,
В генеральские факты
На парадном коне.

Куликово поле. Из школьного сочинения

Ветра над полем Куликовым –
Как шесть веков тому назад.
И, устремляясь вдаль, суровым
Становится невольно взгляд.

Задумаюсь, глаза прикрою,
Представлю поле – как тогда:
Иду звериной тропой,
Из Дона пью – вкусна вода!

Цветет ковыль, по плечи ростом.
Тону я в море ковыля,
Где, радуясь тяжелым остям,

Семян ждет матушка-земля.

Стоит зеленая дубрава
Утесом средь ковыльных волн.
А ветерок, лихой и бравый,
Взбегает вверх на Красный холм.

Но нет, не только запах пряный
Горячий ветер мне принес.
Врага почуяв, конь мой прынул,
Насторожил точеный нос.

Заржал он, мне напоминая,
Что в поле я – не праздный гость,
А линия сторожевая.
И вот, собрав поводья в горсть,

Скачу к своим с недоброй вестью,
Что тут, сильна, как никогда,
Идет со злобою и мезтью
На Русь Мамаева орда.

А там князья сидят в чащобе,
До крови споря, кто главней?
И враг ликует, Русь во гробе
Топча копытами коней.

Мелькнет ордынская папаха –
И гнутся головы окрест.
Сырой земли славянский пахарь
Убит, поруган... Но воскрес!

Весь русский люд: крестьянин, воин,
Ремесленник и зверолов –
Встает, решителен, спокоен,
Услышав звон колоколов.

И Кремль, и Сергиева лавра,
Во все уделы шлют призыв:
«Едины будем, братья, в главном,
Вражду усобиц прекратив!»

И, как ручьи, от самых малых,

К одной стекаются реке,
Идут дружины под начало
Московских стягов вдалеке.

Мужая в трудную годину,
Презрев беду и нищету,
Сплотилась Русь в строю едином:
Плечом к плечу, щитом к щиту.

О, мать-страна, ты слезы вытри:
Бойцы шли с верой, не с тоской!
Их вел к победе князь Димитрий,
Еще без прозвища Донской.

Хоть непростым был путь к Непрядве,
Мы бой орде готовы дать.
Всей их крамоле и неправде
Единство наше не разъять!

Для поединка с Челубеем
Избрал монах удел земной:
Сразив – сражен... И солнце, рдея,
Взошло над нашей стороной.

Весь день оно палило в небе,
Текло кровавым потом с лиц.
И за бойцом боец, как стебель,
Булатом скошен, падал ниц.

Но за победу не напрасно
Мы платим жизнями оброк:
Уже на холм ворвался Красный
С полком засадным князь Боброк.

И по степи, огнем объятай,
Коней усталых горяча,
Орду мы гнали до заката
К реке Красивая Меча.

Потом, вернувшись, хоронили
Всех тех, кто встретил в поле смерть.
Как братья, спят в одной могиле
Боярин, князь, дружинник, смерд...

И травы шепчутся над ними,
Как шесть веков тому назад,
И не один фотограф снимет
Над золотым крестом закат.

Средь ковылей дубы ковчегом
Плывут сквозь ветра непокой:
Чем выше зелень их побегов,
Тем глубже корни под землей.

Потихонечку идем

Все летит в лицо метелицей
Снежногривая орда:
Бьет, сечет, сугробом стелется,
Чтоб стреножить навсегда.

Ни дорожки, ни проталины:
То на спуск, то на подъем
Там, где сами протоптали мы,
Потихонечку идем.

О печнике

От печи начиналась держава российская,
От печи, да не лежа на этой печи:
Что якутский мороз, что нам стужа мансийская –
Рубим избы, печные кладем кирпичи.

Заметают снега поселения русские,
Из сугробов упрямые трубы торчат.
На восток и на север дорожками узкими
Серебрится просторов холодных парча.

Так с природой суровой страна моя спорила:
Месит глину печник – значит, дому почин!
Видно, русской земли протекает история

Через устье широкое русской печи.

Петр Первый

Пилить, строгать любил. Тем паче
Любил пальбу и тарарам.
Он даже тешился иначе,
Чем было принято царям.

Он испытал капризы славы,
И что расчеты часто врут:
Так, триумфатора Полтавы,
Его пребольно высек Прут.

Он строил новую обитель
Из обветшалою двора.
Он был единственный правитель,
Кто ведал тяжесть топора.

Олонец

Стучат молотки корабелов
В ускоренном ритме сердец:
Весь занят строительным делом
Любимец Петра – Олонец.

Когда-то здесь бились со шведом
Гребцы новгородских ладей,
А нынче куется победа
С закалкой в студеной воде.

Здесь ядра так мастер сработал,
Что в герб городской попадут.
Здесь первенцы русского флота
Со стапеля скоро сойдут.

Фрегатам на озере тесно,
Покинут они колыбель,

Андреевских вымпелов песню
Неся до заморских земель.

Летать научились орлята,
Окрепло Петрово гнездо...
И пот свой смывал император
Купельной карельской водой...

Пушкин

Болдино. Холерные кордоны
Обложили эту деревушку.
Окружили погребальным звоном.
Будто смерть берет его на мушку.

Он работал. На бумаге серой
Из чернил, посыпанных песочком,
Как молитва вдохновенной веры,
Проступали пушкинские строчки.

Он у бога не просил спасенья.
Удесятерив свои силы,
Он в бессмертье воздвигал ступени.
Он творил. И смерть повременила.

Едет он от болдинских околиц
В Петербург. Дописаны все драмы,
И поет поддужный колоколец.
Только смерть – злопамятная дама.

...Над Невой опять метель задула.
«Секундант, дистанцию отмерьте!»
Вечность на него глядит из дула.
Смерть – ступень последняя в бессмертье.

1917

Кумач вывешивал на щеках

По Петрограду февраль-злодей.
Толпа хлестала свои бока
Хвостами хлебных очередей.

Мечтами грелись: весна идет!
Монарх отрекся – вся власть тузам!
Тысячелетний ломался лед,
Мосты вздымались руками «за».

Братанья всюду – и на фронтах,
О, как же радостна та пора!
Да только воздух уже запах
Предвестьем дыма и топора.

Так долго зрело вино свобод
В подвалах тюрем и крепостей,
Что без разбора крушил народ,
Не слыша собственный хруст костей

Отец – на сына, и дочь – на мать,
Ржавели кровью родной ножи...
Чтоб было правнукам что снимать
На черно-белые пленки лжи.

Хоронили эпоху по имени «Сталин»

Хоронили эпоху по имени «Сталин».
«Что же дальше?» – всех мучил вопрос...
В этот день на снегу было много проталин
От горячих и искренних слез.

Колыма развернула течение к истокам,
Пена слов потекла с языка,
И схватились за власть два бульдога жестоко,
С беспощадностью беглых ЗэКа.

Уводили манящие дудочки брючин
Избалованных дочек-сынков,
И опричники метел железно-колючих
Превращались в домашних совков.

Большинству же – ни жарко, ни холодно в целом:
Что тогда, что потом, что сейчас...
А иначе не выжить под вечным прицелом
То Господних, то дьявольских глаз.

Август в Кижях

Над гладью озерной мелькают стрижи,
Ловя уходящее лето.
В воде отражаясь, сияют Кижы
В лучах предосеннего света.

Кресты их похожи на мачты судов,
А парус, невидимый взгляду,
Гудит под напором карельских ветров
И сердцу дарует отраду.

А рядом, на озере, как в старину,
Красивы, стремительно-ходки,
Крутыми бортами ломают волну
Кижанки — онежские лодки.

Тут издавна люди по водам пути
Вершили средь мысов и мелей,
И парус поставить, на веслах грести
Все с самого детства умели.

Здесь в каждом селении мастер был свой,
Владевший особым секретом:
Любая их лодка рождалась живой,
Пропитанной ветром и светом.

Форштевнем, который по-русски курнос,
Веслом, что в руках узловатых,
И волны, и время пронзая насквозь,
Плывут они в белых закатах.

Утром

Утром к телам возвращаются души,
С высей в жилища летят,
Где миллионы примятых подушек
Наши портреты хранят.

Солнце с луною котенком играет,
Трогает лапкой незлой.
Город, проснувшись, глаза протирает
Дворницкой шумной метлой.

Мой город

Я вписан в этот город, как строка.
Я – клинопись шагов на тротуарах.
Деревья, до последнего листка,
Хранят меня среди рукописей старых.

Ничто не пропадет и не уйдет,
Но прочитает кто сможет эту книгу?
Чтоб там, где переулка поворот,
Увидеть вдруг житейскую интригу,

Размашистые, четкие шаги,
И детские каракули вприпрыжку,
И чье-то восклицанье «Не беги!»,
И чью-то беспокойную одышку.

Мой город помнит миллионы лиц,
Неровные, запутанные строчки,
Из каменной души не рвет страниц,
И чуть вздыхает у последней точки.

Царицыну – Сталинграду – Волгограду

Здесь давно вдоль границ полыхали зарницы,
Рвались «гости» туда, куда их не просили,

И построили предки на Волге Царицын
Охранять рубежи расцветавшей России.

Много видели те деревянные башни,
Их сжигали дотла – они вновь вырастали.
Солонцовую сушь люди сделали пашней
И мечи на плуги перековывать стали.

Но опять сквозь века пролегла здесь граница
Между светом и тьмой, между смертью и жизнью.
Запылала вода, но нельзя отступиться.
Город крепостью стал, защищая отчизну.

У планеты, корежимой хворями злыми,
На тебя опирались все меридианы.
Словно оберег свой, сталинградское имя
Надевали на улицы дальние страны.

Над водой поднимается солнце, алея,
И звенят голоса самой лучшей наградой.
С выпускного идем по широким аллеям.
Начинается день моего Волгограда.

Серый ломоть

Я порой бываю счастлив
Оттого, что небо сине,
Оттого, что всем ненастьям
Не сломить мою Россию,

Оттого, что передюжим,
Улыбаясь терпкой болью,
Оттого, что есть на ужин
Серый ломоть с крупной солью.

Спусковой крючок

Он как будто попал на крючок спусковой,

Черный пластик игрушки манил, как металл:
Лип к ладони: нажми! Но с пружиной тугой
Не справлялся малец – только молча мечтал.

Пальцы крепили, все чаще сжимаясь в кулак,
И в пацанской войне, не смертельной пока,
Сбитый пулей пластмассовой, падает враг,
Сквозь прицел отразившись в зрачке паренька.

А потом поднимались с дворовой пыли,
Кто – сильней и ловчей – звал его тюфяком.
Дни летели, как пули, и годы прошли,
Обточив ему взгляд, стружек выбросив ком.

Тренировок итог, наступил этот день,
Неизбежный, как в школе последний звонок:
Он увидел в прицеле живую мишень
И замедлил дыханье, спуская курок...

Командир хлопнул парня рукой по плечу:
Мол, награда за мной, салажонок-молчун.
А стрелок все глядел на того, кто лежал,
Будто ждал, что он встанет. Но тот не вставал.

Ночной десант

Затуманил октябрь-злодей
Перекрестья прицельных линз.
Пулеметным огнем дождей
Листья с веток сбивает вниз.

Только, знаешь, они красней,
Чем положено листьям быть,
И погибших вчера парней
Нам в живые не вернуть.

Листья падают на траву,
Как бесшумный ночной десант.
Рядом смерть, а я все живу,
Как не верить тут чудесам?!

А я знаю, что нет чудес,
Но есть мама, отец, и ты...
Я в созвездьях чужих небес
Вспоминаю твои черты.

Упирая в плечо приклад,
Я лежу на сырой траве.
Догорает в крови закат.
Жаль, что жизней моих не две.

И опять надо в темноту
Уходить по крутой тропе.
А мне кажется, я иду,
Возвращаясь с войны к тебе...

Листья падают на траву,
Как бесшумный ночной десант.
Рядом смерть, а я все живу,
Как не верить тут чудесам?!

А я знаю, что нет чудес,
Но есть мама, отец, и ты...
Я в созвездьях чужих небес
Вспоминаю твои черты.

БЫТЬ ЖИВЫМ

Ты помнил первый класс,
И помнил выпускной,
Дорогу на Кавказ,
Залитую войной,

Где сердце все слышней:
Удары так тупы...
Где шел отряд теней
По лезвию тропы;

Где транспортник лежал,
Дымясь, на полосе...

Ты помнил. Но мечтал,
О чем мечтают все:

Домой к себе лететь,
И под гитару петь,
Девчонку ту обнять,
Что обещала ждать,

Работать, уставать,
И падать, и вставать,
И жечь костры, чтоб дым...
Ну, в общем, быть живым.

Остаются стихи

Ночь доела закат,
как остывшую макаронину.
Все, чем был ты богат,
навсегда под землей похоронено.
Но приходит рассвет,
и поля новой кровью тюльпанятся.
Остаются стихи,
даже если ничто не останется.

Сестренка. 1994 – ...

Двадцатый век на двух косых крестах
Распял в двух войнах миллионы тел.
Ответь, хоть Бог, хоть Будда, хоть Аллах,
Кого из них ты вознести хотел?

Капитанская дочка

Он, играя со мной, по-отцовски был прост:

То подбрасывал в небо летуньей,
То на плечи сажал, как в седло – выше звезд
Золотисто сиявшей латуни.

А когда он в тоске гарнизонных суббот
Жадно пил поцелуи бутылок,
Я сидела с ним рядом всю ночь напролет,
Молча глядя колючий затылок.

А потом в неприглядных портретах зеркал
Незаметно он сравнивал лица,
Будто в разнице черточек ту вспоминал,
Для которой я стала убийцей.

Яло

Она из плоской глубины
Глядит в мои глаза.
Мне солнца свет – ей свет луны.
Мой смех – ее слеза.

Моя улыбка стоит ей
Отчаянья гримас.
Я стану в сотню раз сильнее.
Она – слабей в сто раз.

В ответ на правду будет лгать.
Кричит – а я молчу.
Мне от нее не убежать...
Да я и не хочу.

След подошвы

Немалостроек и разрух бывало в прошлом...
Но почему-то позабыть я не могу
Песочный домик на укромном берегу
И прямо в центре – след от рубчатой подошвы...

Я. 1982 – ...

А если бы родился я
В другой стране, в другое время,
Другой была моя семья,
Другими были род и племя...
То был бы я совсем не я...

Ледяные батареи девяностых

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут – свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы –
Ну зачем же их проводят красным цветом?
А в курятнике мелькала тень куницы
В гуще тех, кто верил собственным фальцетам.

Только детям все равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном «Чермете»,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!

Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замерзшем мамином бидоне.

Магнитный полюс

Я вбиваю ноги-гвозди
В деревянную планету,
Рву тугих созвездий грозди
И вино давлю из света.

Не досталось мне водицы
В чистом дедовском колодце:
Разжиревшие мокрицы
Прошлым чавкают в болотце.

Тут – стишки соплей марают,
Там – с ухмылочкой вампирской
Все быстрее умирают,
Задыхаясь под копиркой.

В центре жадной круговерти,
Где сердца зашлись в чечетке,
Я плыву рекою смерти,
Режу стрежень носом лодки.

В ней полно мышинных дырок,
У весла отбита лопасть.
Я – магнитный полюс мира,
Улетающего – в пропасть.

Лучше не будет

«Могло быть и хуже» –
Тоскливая радость
Для тех, кто простужен,
Для тех, кому в тягость

Шторма и метели,

Дороги к вершине:
Мечтали, хотели,
Но не совершили.

И силы не гробят,
А душу застудят.
И хуже могло быть,
Да лучше не будет.

В трамвае

Этого не знает червь бумажный,
Над трудами классиков зевая:
Я всей кожей чувствую сограждан
Утром в переполненном трамвае.

Вот где единение народа!
Ближе и теснее – не бывает –
При любых властях и сменах моды –
Утром в переполненном трамвае.

Пусть трясет нас, братцы, по ухабам,
Пусть кондуктор глотку надрывает –
Лишь бы уступали место слабым
В нашем переполненном трамвае.

Крылатые портфели

Звонок прозвенел, и срываются классы,
Теснины дверей водопадами пеня.
Крылатых портфелей гремят маракасы,
Как марш перепрыгнутых в спешке ступеней.

Несется из школы горластая группка,
Как будто из плена сбежавшая смело,
И кажется вновь, что одна только губка
Впитала с доски все премудрости мела.

Портреты, равняясь в настенном параде,
Глядят на людей, что в пустых кабинетах
Почти не видны за горами тетрадей
Контрольных, диктантов, задач и ответов,

Чьи лица вечерней усталостью блёкнут,
Чей почерк застыл на незримых скрижалях ...
А ты понимаешь, что школьные окна
Всю жизнь тебя светом своим провожали.

Множество правд

Все истина, где б ни жила:
Хоть в хижине, хоть во дворце.
Вокруг лишь одни зеркала,
Их чем-то завесят в конце.

И каждый по-своему прав:
Идущий наверх и ко дну.
Но только из множества правд
Тебе надо выбрать одну.

Ежедневное чудо

Не устал удивляться
Я обычным вещам:
Аромату акаций
И наваристым щам,

Появлению света
На небесной слюде,
Щебетанию с веток,
И рождению людей.

Происходит повсюду,
И далеко, и близ,
Ежедневное чудо
Под названием жизнь.

О трех типах мебели

Америка – офисный стул:
Все можно настроить, как нужно,
Нажал на рычаг, повернул...
Удобно, нет спору.... Но скучно.

Европа – старинное кресло:
Местами потерто и тесно,
Но в нем так уютно ютиться,
Дыша ароматом традиций...

Россия – скамейка в саду:
Как сядешь – занозы в заду,
И дует, и жестко, и холодно здесь...
Но только на ней имена наши есть.

Самый любимый стих – это тот, который

Самый любимый стих – это тот, который,
Если его не окажется в интернете,
Ты набираешь по памяти – все сто сорок
Строк – чтоб отправить девчонке – одной на свете.

И если, его прочтя, она не ответит,
Что у нее от стиха тоже сносит крышу,
В ленте утопишь страницу ее, как в Лете...
Жаль, что стихов таких больше почти не пишут.

О военных стихах

Не те – в газетных праздничных колоннах.
У тех – тираж защитный, слог суров,
И звездочки сияют на погонах
Солдатских непечатаемых слов.

В едином свитке

Туман заполнил узких улочек листки,
Молочной тайнописи между строк подобен.
Слепцы-троллейбусы, держась за поводки,
Едва нащупывают Брайлев шрифт колдобин.

А я сижу в одном из них, к стеклу припав,
Как в перископ смотрю из домика улитки:
Вокруг меня – семь миллиардов смутных глав,
Что пишут – каждая себя – в едином свитке.